

В пылу непрекращающихся битв
со мной всегда мой белокрылый ангел,
самоотверженно от бед меня хранит
и прикрывает с тыла и на фланге.

В борьбе за праведность с несовершенством мира
Он направляет острие мечи,
И чтоб от страха в жилах кровь не стыла,
звездами светит путеводной по ночам...

Числу поверженных давно утерян счет,
Из рек кровавых выходит сухим,
У райских врат апостол Петр ждет,
Но я надежно ангелом храним.

Молитву небу перед боем возношу
На алтаре клинка холодной стали,
В рай проводить те души я прошу,
Чьей кровью он согреет на поле браны.

И как бы гнев не застил глаза,
И как бы лицом враг мой не был страшен,
Я с легкостью удары отражан,
Перед костлявой был всегда отважен.

Но в тот короткий роковой момент
с мечом в руках стоял лицом я перед
зеленоглазой ведьмой из легенд,
В которые особо и не верил.

Короткий выдох, колющий удар,
Кружася, уходит от клинка с успехом,
В обхватъя угодила, и кинжал
Находит брешь в сияющих доспехах.

В горячке боя сердце тонит кровь,
Ее глаза полны печали горькой,
В них тысячи невысказанных слов,
А кровь сквозь пальцы льется струйкой тонкой.

Я видел, как чужие взгляды гаснут,
В них ужас, паника, обида, злость,
Но прежде не задумался ни разу,
Что им в моих глазах увидеть довелось.

Всегда жесток и мрачен юмор смерти,
Она не носит своего лица,
Не ангелы приходят и не черти
В преддверии начала у конца.

Она всплывет ужас побежденным,
Надевши облик поджавших верх...
Я любовался красотой ее сраженный,
Глаза в глаза, когда мой мир померк...

Моя душа на яркий свет летела
Под детский смех и трели соловья,
Но что-то сердце сильно так болело,
Хотя нет сердца больше у меня.

В сиянии спасения мне явился,
Свет ярок как полярная звезда,
Но в ведьму рыхую, растаяв, обратился,
И на меня глядят зеленые глаза.

— Очнулся? Ты на солнце не смотри,
Не то в очах твоих растают льдинки.
Ну, отдохни, а мне пора идти...
Прости, что верх за мной остался в поединке.

Равня в горгани словом гомону,
Ей в спину прохрипел:
— до скорой встречи!
С улыбкой обернулась на ходу:
— Что же дожидается, буду здесь под вечер.

И я упал в зеленую траву,
Сквозь листья глядя в небо голубое,
Под сердцем шрам нашупал на боку,
Боль уступала рубежи покоя.

Я к вечеру вконец восстановился
И к бою был готов как никогда.
Разинялся, по привычке помолился,
Но не хотел ей причинять вреда.

Шумели голоса, нес запах ветер,
Готовили пожарку над огнем,
А я хотел лишь одного на свете —
Остаться с ней наедине, вдвоем.

И я не мог решить, что делать дальше:
Убить ее или просить любви,
А на поляну, в стороне, из чащи
Мальчишка вышел перекошанный в крови.

Мы сели каждый на свой край поляны,
Чтоб в одиночестве друг другу не мешать.
Я думал о глазах зеленых странных,
И как могли они околодовать.

Рядились трое, чья же стала надежней,
Но на поляне спор их приучил...
Людей всё больше подходило осторожно,
Вступая в молчаливо-первый полк.

Тянулось время медленно к закату,
Неукротимо общество росло,
Росло и умножалось многократно,
И что-то нерешительно ждало.

Она взлетела на валун как кошка,
Там сверху взмыла над головой,
Уселись, под себя поджавши колени,
И речь ее с начала первой строчки
Была усиlena звенящей тишиной.

— Мы не друзья, но мы и не враги,
Что было, пусть уносит день вчерашний.
У вас три дня, чтоб выбрать вы могли,
Как жизнь свою потратить не напрасно.

К тому моменту выйдем мы к реке,
По ней легко добраться можно в город,
Решайте сами, что вам по душе,
И кто вам в этой жизни больше дорог.

Она покинула природный пьедестал,
И расступался перед ней народ,
Я в молчаливом ожидании стоял,
Ведь не случайно на меня она идет.

— Ну что, отважный рыцарь, ты не против
Продолжить наш с тобою разговор?
Взяла меня под руку при народе—
Пойдем, коль не боишься, в мой шатер.

Обычная палатка, без охраны,
Чуть может больше чем у остальных,
На встречу вышли несколько служанок,
Измученных, усталых, молодых.

Внутри все по-спартански просто:

Два стула, стол и на полу постель,
Две свечки на столе ридают воском,
Вино, немного фруктов и форель.

— Свидание второе предлагаю
Нам провести без взгляда клинков,
На скромный ужин, рыцарь, приглашай,
Ты, верно, съесть быка сейчас готов.

И я не стал притворно отпираться,
Складной стул подо мною заскрипел,
Глазам кошачьим я не мог сопротивляться,
Я в них как в омут пламенный глядел.

— А у тебя завидный аппетит,
Что, впрочем, и не удивительно
— Пусть Госпожа манеры мне простит,
Прекрасный стол и ужин восхитительный!!!

Я воин, и порой в походе
Приходится есть на ходу в строю,
Быть может, я не слишком благороден,
Но то, что думают, то я и говорю.

— А я не госпожа, не из принцесс,
И церемонии мне вовсе ни к че му.
Скажи, зачем с мечом наперевес
Пришел в мою свободную страну?

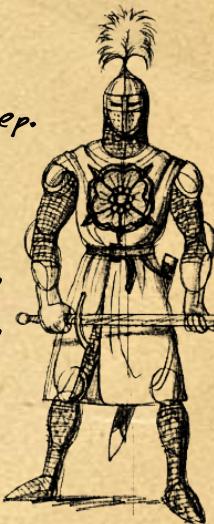
— свет знания во тьму заблудших душ
Несем под ликом истинного божа.
Она лишь усмехнулась:
— Это чучль,

В крови и жадности нет ничего святого.

Не торопись сжимать до боли кулаки
И гневно прожигать меня очами,
Свет истины оставил угольки
В местах, что раньше звались деревнями.

Ну, кто сказал, что мы живем без веры?
И ваша лучше, кто решил? Скажи.
Вы в бой идете с криком "На неверных",
Пускай в дело стрелы и ножи.

Как мертвого заставить можно верить?
А выжившие, смогут ли они
В своих сердцах всю жизнь неся потери,
Молиться, в землю близких склонив?

О нет, мой друг, тебе не обвиняю,
ты воин, мало в том твоей вины.
Вина на тех, кем жадность управляет,
Не души — земли, деньги им нужны...

Слова сочились как вода в песок,
Глаза прикрыл, день этот слишком долг,
Стряхнул дремоту: мрак и одинок
Лишь у палатки колыхнулся полог.

Крадусь за нею по-кошачьи тайно,
Лесной тропинкой, не боясь, одна
Она шла к озеру с водой хрустальной,
Где свет разлила полная луна.

Застыв на берегу, щепталась с небом
Молилась, колдовала... не пойму.
Я прятался в кустах колючих слевам...
Она в сиянье лунном королевой
На платье стала распускать тесьму.

Глаза прикрыл, чтобы сдержать желания,
Рохдался блеска, посмотрел опять —
Она шла к острову по лунному сиянью,
Слегка тревожа вод спокойных гладь.

Любуюсь станом, шел за нею следом,
Мостом из света вероят пройти,
Но поклебался лишь воды при этом.
И показалось мне,
Что слышно в ночи где-то,
Она смеется, надо много подшучив.

Во мне проснулся изорный мальчишка,
Я шел назад, несдержанно смешил,
И, засыпая, улыбался слишком,
Ведь я учел одежду прихватив.

Моя душа в кромешной тьме летела,
И боль кричала, что пока я жив,
Крылами фурия почная шелестела,
Кривые когти в тело мне вонзив.

И каждый взмах мне отдавался в спину,
Ослабла хватка и мой выбор прост —
Полет — паденье в черную пучину,
А там внизу лежит мой лунный мост.

Он разлетелся от удара на куски,
Сон с явью впередиешку на осколки,
Зеленоглазая, зажавши кулаки,
Меня лупила по спине без толку.

Борясь со шкурой вокруг ногого тела,
Шипела:
— Как посмел? Нахал...
Я отражал удары между делом
И от души над нею хохотал.

Схватил в оканку, не пошевелившись.
— Что ж в этом бое выигрыш за мной?!
Пронзила взглядом, прежде чем склониться
И поцелует припечатать:
— МОИ!!!

Когда уже мы стали задыхаться,
Она к плечу прильнула головой
— Коль по воде захочешь прогуляться,
В другой раз позови меня с собой...

Был прежде благородный воин знати,
Теперь же абсолютно стал никем,
Все ночи проводил в ее объятьях,
А днами бесполезен был совсем.

Я много ненавидеть стал восходы,
А ночи темной ждал до исступления.
Уже третью сутки подошли к исходу,
Но до сих пор не принято решение.

— Быть содержанкой выше моих сил,
А в святость дел своих и сам не верю,—
Так я в последний вечер говорил...
Глаза ее печально потускнели.

— Народ мой не признает короля,
И я не вправе за тебя искать причины,
Чтоб стала домом чуждая земля,
А край родной стал для тебя чужбиной.

Я вышел в ночь, не проронив ни слова,
Чтоб окончательно судьбу свою решить,
Но, не придумав к полночи иного,
О зыке свыше небо стал молить.

В палатке рядом грудничок зажныкал,
Наверное, приснился страшный сон...
Но он замолк, всруг заклевнувшись криком...
Стена из ткани вспоротая мигом
Клинком, что детской кровью обстрейн.

Не помню как, но голыми руками
Убил троих, крича как сумасшедший.
Палаток часть вмиг охватило пламя,
И лагерь превратился в ад кромешный.

Без прежней страсти поединщика во взгляде
Разил врагов отобранным мечом,
Как тигр раненый жесток и беспощаден,
Сейчас я в ярости сражался за свой дом.

А после битвы, весь от крови липкий
сидел под деревом, глотая горечь слез,
Перед глазами детская улыбка,
Что небо мне подбросило как кость.

Светились волосы от пламени пожарищ,
Она мелькала среди стонов и рываний,
И вслед за нею люди поднимались,
Чтобы помочь облегчить боль страданий.

Терзания отложив на потом,
К тем поспешил, кто в помощи нуждался:
Где раны перетягивал жгутом,
А где и просто за руку держался.

Но вот передо мной лежит распластан
Тот самый, с окровавленным клинком.
Меня накрыла злость, и в одночасье
Я ощутил себя жестоким палачом.

Меч тяжело подняв над головой,
Нет, от расплаты не спасёт и смерть,
Пусть лучше я в ду сгорю с тобою...
Но голос мне ее критит:
— НЕ СМЕТЬ!!!

И силы враз покинули меня,
И я упал... упал с убийцей рядом,
А небо, лишь темнее от огня,
На нас двоих давило звездным взглядом.

совсем мальчишка в одеяле света
с улыбкой виноватой на устах,
На рясе белую броню поверх одета,
И два крыла "вздыхают" на плечах

— Отважный рыцарь, я твой ангел падший,
Во время битвы не сумевший защитить,
Что не отвел удар клинка разящий
И дал врагу в бою тебя убить.

Он опустился на колени предо мной,
Меч протянул и голову склонил.

— Так пусть же буду осужден твоей рукой!
Мой грех: Я сдался и покинул бой,
Не мог позволить, чтобы ты ее убил!

Сел рядом. Перед ним сложил клинок,
— И что теперь хранишь ее покой?
Сначала горький смех, потом изрек:
— Не выйдет, я хранитель только твой.

На крае неба перед нами мир огромный,
Мы вспоминали прежние дела.
Простил, но как же, впрочем, неудобно
Положить руку на плечо

из-за крыльев

Проснулся я с улыбкой на устах,
Не понимая как так получилось,
Ее палатка, но постель пуста,
И где же пропадает ее милость?

Ночью кошмар, всего лишь глупый сон,
Веселье, крики слышатся спаружи,
На малыша, который ночью умерщвлен,
Ругаются, что снова он опужен.

Мне все привиделось,
Благодарю улыбась,
Не сон, всё это ведьмовский морок,
И ладно, пусть судьбу мою решает,
Я без неё так был бы одинок.

И я прикрыл с надеждою глаза,
Проснулся уже рябчиком с любимой,
Но сон ушел, и душу мне терзан
Мой голос разумна, а может запах дыма.

На миг от солнца яркого ослеп,
Жизнь, как обычно, в лагере бурлила,
Тащил мальчишка мимо свежий хлеб,
И детвора с поляны голосила.

Все как всегда, кроме одной детали,
Ворвавшейся в реальность из кошмары —
Там где палатки многие стояли,
Чернели дырами кострища от пожара.

Казалось мне, весь мир с ума сошел,
Перемешались мертвые с живыми,
Палатку взглядом в стороне нашел
С невиданными прежде часовыми.

Туда несли убитого солдата
Со свернутого набок головой,
Но вскоре его вывели обратно,
Совсем без сил, но все таки живой.

За спинами охраны проскользнула,
Внутри шатра все скрыто полумраком,
Застал её перед столом одну
В простой до пят полотняной рубахе.

— Ты зря пришел. Я очень занята...
Качнулась...
— Стой, ко мне не приближайся.
А в голосе надлом и пустота.
— Что тытворишь здесь?
Я прошу, сознайся.

— Мой рыцарь, поумеръ свой пыл,
Я просто... просто исцеляю раны,
На споры у меня сейчас нет сил,
Освобожусь и объясняться стану...

Пускай в потемках глаз не разглядеть,
Её усталость ощущают кожей,
Она скорей готова умереть,
Но по иному... нет, она не сможет!

Я сдалася и готов был отступиться,
Но я никак не ожидал того,
Что на носилках вдруг внесут убийцу,
— Кого угодно, только не его!!!

— У нас нет прав судить его решать,
Я только тело исцело от ран,
Он будет сам себя судить и осуждать,
Когда как ты получит второй шанс.

И я учел, лишь осознав сейчас,
Мне жизнь сохранена не небесами,
Когда опять души во мне углас,
Она зажгла его зелеными глазами.

Полдня под деревом в раздумьях просидел,
Устав за чудом наблюдать со стороны
Я ощутил, как кто-то в спину мне смотрел,
Укрывшись за стволом большого сосновы.

Забилось сердце, ускоряя бег,
Пьяняли мышцы в ожиданье схватки,
Но я расслабился, ирония то просто смех —
Пацан в штанах: заплатка на заплатке.

— Иди, не бойся, юный следопыт,
Когда следишь, не становись по ветру.
Ты носишь хлеб, мой нос мне говорит,
Тебя легко учуять за сто метров.

Смой пот, одежку хорошенько отстирай,
Быть незаметным — целая наука,
По мух, а не хвое сухой ступай,
Не выдавай себя случайным звуком.

— Когда я вырасту, то прятаться не стану, —
сказал он, гордо встав передо мной, —
за справедливость бьются без обмана! —
Такой наивный, но уже герой.

— Ну, хорошо, так может мне ответишь,
Какие качества в бою всего важней, —
Я полагал, он скажет как все дети:
быть ловким, самым смелым, всех сильней.

Он не спешил, смешно напоминая лоб,
задумался, и лишь потом ответил:
— Я полагаю, что важнее, чтоб
в бою не находить для другого смерти.

В его словах почувствовал укор,
Но я никак не мог в душе смириться,
Что на посыпках вот сейчас в шатре,
Быть может, вносят нового убийцу.

Весь день возился с этим мальчишом,
Передавал премудрости похода,
Показывал захват, уход с броском,
Игрался с ним, забыв совсем про годы.

Смотрел в его горячие глаза,
Казалось мне, что в зеркало сквозь время,
Вернулся в прошлое на много лет назад,
Когда вот также был заброшен всеми.

И лишь когда иссяк остаток дня,
И месяц вышел в небо красоваться,
Мальчишку отоспал в объятья сна,
А сам ее остался дожидаться.

Но вот, похоже, завершилось чудо,
Ее под руки из шатра ведут,
Замолкли доводы, что днем собрал рассудок,
Она без сил, волненья обожают.

Не спрашивая, взял ее на руки,
Она лицом уткнулась мне в плечо,
Ей месяц волосы, наверное, со скучки,
Подкрасил в серебро своим лучом.

Несу в руках, не ощущая веса,
Ночью прохлады тело чуть теплеи,
Едва заметное дыханье у принессы,
Иду и нечуяю все сильней.

Она едва живее мертвца,
Которых днем у смерти отбирала,
В ее груди затихла хрипотца,
Она в моих объятьях мирно спала.

К приходу в очаг огонь трещал,
И на столе стоял горячий ужин,
Я благодарность мысленно послал,
Теперь я знаю, здесь никто не служит.

При свете ламы чуть не уронил,
Поверьте, на то веские причины:
Я на руках старуху притащил,
Ей время кожу истощило на морщины.

седые космы, тонкая как смерть,
И тут в деяньях угласающего яда,
Я разглядел тепло знакомых черт,
И глаз зеленых потускневший цвет
Меня молил простить влюбленным взглядом.

За жизнь пролил немало слёз чужих,
Её кормлю, а сам впервые плачу
От безысходности намерений благих,
В глазах и по щекам огонь горячий.

Она уснула прямо за столом,
Так пусть сегодня большие не тревожат,
А мне осталось жить вчерашним днем,
И шкурого прикрыть ее на ложе.

Да, я хотел бы с ней встретить старость,
Но не такой чудовищной ценой,
И тут слеза предательски сорвалась,
Сна безмятежного нарушивши покой.

Она ладонью слегка щеки коснулась,
Вмиг успокоилась мятежная душа,
И на меня с такою нежностью взглянула,
Как смотрит мать над колыбелью малыша.

Когда очнулся, как уснул — не помнил,
Темно, она спинаю за столом,
Из уголков души чужих и темных
Страх выползает угольным котом.

Снаружи по привычке жизнь бурлила,
Народ, похоже, до сих пор не знал,
Что королева их с собою сотворила,
И я забыться многое отдал.

Оставил мысли горькие в покое,
Страх залоню туда, где потемней,
Я буду с ней и в радости и в горе,
Я буду с ней остаток наших дней.

Но стоило мне только шевельнуться,
Она уже в объятиях моих,
Едва успела губ моих коснуться,
Забыты все тревоги в тот же миг.

Когда очнулся от любви рассудок,
Я бросился к столу свечу зажечь,
Ждало в постели ржавчное чудо,
Мая в свои объятия прилечь.

Глазам своим на грех не доверяя,
Закрыл их, и дыханье затая,
От поцелуев сердце замирает,
Прикосновения, объятия понимают
Со мною рядом ведьмочка моя...

Она хотела после завтрака сбежать,
Но я за неё следил увядался,
Подле себя ее не удержать,
А я оставался без нее на миг боялся.

Когда привык я к солнечному свету,
То разглядел у глаз морщинок след,
И среди кудрей рыжих, словно лето,
Седые пряди колыхало ветром,
Её состарив на десяток лет.

И прочитав в глазах моих испуг,
Она ответила на мой немой вопрос
— До завтра все пройдет, мой милый друг,
Прости за всё, что пережить пришлось.

Она решала споры и дела,
Советы раздавала и притом
Наставником и другом всем была,
А я при ней всего лишь был «хвостом».

К нам подбежал знакомый мой мальчишка,
И ведьмочка смотрела с интересом,
Как поздоровавшись и теребя штаншки,
Он у меня спросил, волнуясь слишком,
— Придёшь сегодня днем на наше место?

Вздернув волосы, пока парнишка ждёт,
С улыбкой, видя, что я растерялся,
Сказала:
— Ну конечно же придет,
Но чуть попозже, он еще не искупался.

Пока я в стороне с открытым ртом,
Он с ней обнялся и в щеку поцеловал,
Счастливый убежал и лишь потом
Назад вернулся... руку мне пожал.

Она за час весь лагерь обошла,
Направилась здешним к косогорам,
Купаться?... за спиной река текла,
С вершины вид открывался для обзора.

Костры, павесы, шалаши и лежаки
Среди деревьев у подножия пестрели,
Здесь встали лагерем живые "мертвяки",
И жизнь в них шевелилась еле-еле.

Казалось, даже птицы не летят,
Нас провожали взглядами колючими,
Я ощущал, как в спину нам плюют
И проклинают при удобном случае.

Кто я для них? Предатель, подкаблучник,
Она же баба, въявившая их в плен,
И, кажется, что смерть была бы лучше,
Когда сейчас не в силах встать с колен.

Тревога таяла как снег весной с холмов,
Она им ничего не обещала,
Заботого и парой добрых слов
Во взгляде недоверья побеждала.

Я по привычке хмурился в сторонке,
И делал вид, что я здесь не при чем,
У самого внутри преградой тонкой
Удерживалася чувств безумных шторы.

Вчерашний ад, о прошлом nostalgie—
Переменилось всё, лишая сил,
Передо мной сейчас врачи живые,
Но я когда то ведь таким же был.

Обход, похоже, близился к концу,
Я растерялся... хоть и ожидал,
Но кровь потоком хлынула к лицу,
Когда убийцу взглядом повстречал.

Но даже с ним она была мила,
Я отвернулся, ревностью душимый.
— Зачем? Зачем она его спасла?
Бурлила злость во мне неугасимо.

Обратно мы пошли в обход холма,
И тишина шептала между нами,
В терзаньях мыслей я склонил с ума,
Но небо первым разлилось слезами.

Я шел неторопливо, весь в себе,
Дождя вокруг совсем не замечая,
А он обильно слёзы лил с небес,
На нас двоих при том не попадая.

— Ну не молчи, пожалуйста, не надо!
Не отгораживайся от меня стеной,
Так мало телом быть с тобою рядом,
Так много быть единого душой.

Но сердце было, словно птица в клетке,
Так горечь слов не хочется глотать:
— Я в жизни умираю слишком редко,
Чтоб до конца происходящее понять

К чему все это? Я убью злодея,
А ты его у смерти отберешь,
Ни сил своих, ни жизни не жалея,
Всё за чужие смерти отдаешь.

Кто я? Такой же, в сущности мертвец,
А если жив, то сохранил ли душу?
И сколько истины в биение двух сердец?
Быть может, я убью и мне конец,
Лишь стоит чары ведьмы разрушить...

Насколько мне судьба принадлежит?
Быть может мир мой это только клетка,
И я живу, чтоб лишь тебе служить,
Чтоб быть в твоих руках марионеткой?

Её глаза переполняла горечь,
С улыбкой виноватой на устах,
Она ведь даже не пыталась спорить,
Чтоб всё расставить по своим местам.

— Мне ни за что уже не разобраться,
От истины или вовек не отличить,
Куда? Зачем? и за кого сражаться?
И я боюсь, что может оказаться,
Что ты меня заставила любить!

Вот тут она серьёзно разозлилась,
Последней каплей очи вспыхнули огнем,
Освобожденные от чар природы силы
Воруг на меня обрушились дождём.

Стую промокший с головы до пят,
Дождь вновь спокойно капает в сторонке,
Её глаза как искорки горят,
В них блещет смех находившей девчонки.

Она мне показала свой язык,
Тут я не мог уже на чертовку злиться,
Обнял покрепче и к губам приник,
Не в силах почуял насладиться.

У губ любимых вкус лесной брусники,
Она растаяла, руками оплетен,
Земной девушкой стала из владыки,
Про все забыла и накрыла нас дождём.

Смотрю в её зелёные озёра,
— Ну что же, ведьма рыжая моя,
Похоже в рамках неоконченного спора
На этот раз как будто бы ничья.

В сухой одежде восхожу на холм,
И все же мы в неравном положении —
Она заранее все знает обо всем...
А я... Все время предстаю глупцом...
Что там за шум? Похоже на сраженье.

Шаг отступил, бросок через бедро,
И на хвое противник распластался,
Другого сбросил, развернув плечо,
Я наблюдал со стороны и улыбался.

— Не стыдно вам втроем на одного? —
Плечом к плечу с приятелем встал рядом,
Бежала кровь из носа у него,
Он мне кивнул, спокойно встретив взглядом.

В горячке боя молодая кровь
Пьянил не хуже чем вино хмельное,
Один из трёх напал, не трогая слов,
Пришлось его немножко успокоить.

Поставил рядом, с кистью на излом,
— Ребята вы затею эту бросьте,
Теперь нас трое, ну а вы вадоем,
Однажды слышал я поговорим днем:
“В боях не нужно поддаваться злости”.

— Рассказывайте, что не поделили,
Что кулаки пришлось пустить вам в ход?
— Здесь наше место, мы предупредили,
А он сказал — отсюда не уйдет!

— Что ж, полагаю, будет справедливо,
Он право “быть здесь” заслужил в бою,
Я улыбнулся, подмигнув прияту,
— Решай дружинце “неприятеля” судьбу.

— Поверженный и так уже у ног,
Над кем-то потешаться нет резона,
не собираюсь им давать урок,
По мне так холм достаточно широк,
А если тесно им, пусть пустят со склона.

Они сперва отошли в сторонку,
Но я-то чувствовал, как в спину и не раз,
Пока премудрости передам мальчишке,
За них следят три пары зорких глаз.

— Эй, резвый, как твоя рука?
Не больно? Подходи, поможешь...
Рассчитывай движенье кулаком...
Перехватим так, надави слегка...
Ай, легче, поломать ведь можешь...

Под вечер шли с холма ребята рядом,
С утра еще встречались на ноже,
Теперь изгоем стал во главе отряда,
А я нашел занятие по душе.

Мне снился девочка с ромашкой в руке,
Бегущая к родителям на встречу,
Отец веселый с сединой на виске
Поймал ее и усадил на плечи.

Со смехом мама приняла цветок из рук,
Почеловала свою маленькую гордость,
Но тишину взорвал набат звук,
Донесшийся из замка над фьордом.

Под вечер поцелуи и садко,
Вот за победы тянет вони старый,
Когда высокогорье пролегло,
От зарева пожара расцвело,
И детство королевы оборвалось.

И я любил девчонки этот взгляд,
Серьезный и уверенный в победе,
Она напрасно не давала клятв
И не искала, кто за все ответит.

Она согнет весь этот мир в дугу,
Горячую радужными цветами,
Лицом к лицу направится к врачу,
Чтоб победить и разойтись друзьями.

И я уже влюбленный в этот взгляд,
Таким проникнув к ней в воспоминанья,
Не отступлюсь, пока сердца стучат,
Быть с ней рядом — вот мое призвание.

Три раза солнце восходило над холмом,
Я продолжал с ребятами встречаться,
Их становилось больше день за днем,
Уже большие дюжины приходит заниматься.

В глазах детей я видел свою нужность,
И мудрецом не быть, чтобы понять—
Нельзя купить их преданность и дружбу,
А вот доверие так просто потерять.

В разгар привычной боевой потехи
Я супротив ватаги всей стоял,
От неожиданности поперхнулся смехом,
Произошедшего никак не ожидал...

Чуть прислонясь к стволу большой сосны,
Убийца наблюдал внимательно за нами,
Оценивал взором со стороны
Холодными серьеznыми глазами.

Винил себе, что он пустое место,
И что внимание не стоит обращать,
В итоге так отвлекся от процесса,
Что от мальчишек стал удары пропускать.

Когда один стоять остался на холме,
То повернулся и пошел к нему на встречу,
Он ждал под взглядами мальчишек в тишине
И лишь слегка расправил свои плечи.

— Ну что тебе на месте не сидится,
Я по-хорошему прошу тебя: «Убди!»
— Да я пришел, чтобы с тобой сразиться,—
Ответил, кисти разминая у груди, —

Все не могу смириться с поражением,
Хочу проверить, так ли ты хороши...

— Ну хорошо, давай на соглашение:
Коль проиграешь — больше не придишь!!!

И вот уже стоим друг против друга,
Спокойны, собраны, в движениих едины,
Кружимся в танце под мелодию без звука,
В игре без правил под называнием поединок.

И пусть он костью в горле поперек
Застял и жизни не дает спокойной,
Столкнувшись с ним лицом к лицу, не мог
В нем не признать противника достойного.

Впustую не растрачивает сил,
Без счеты и с ритма не сбиваюсь,
Он все мои удары отразил,
На провокации совсем не поддаваюсь.

Вот раскрывается, ударить в корпус мечу
В надежде, что удастся зацепить,
Он вовремя мне сделал шаг на встречу,
И мне пришлось его покрепче обхватить.

Стучит в висках...

от напряжения мышцы стонут,
Никто победу не желает уступать,
Мы намертво в сплетенье рук закованы,
В неразрушимый на двоих стальной захват.

Туман из тьмы мне застилает очи,
Сопротивляюсь, хоть еще пока не сдал,
Победу ребята вокруг пророчат,
Он все на них глядит промежу прочим,
А мне исход известен проиграл.

Ослабла хватка, он немного отступил,
В мгновенье ока все переменилось,
Его я на полотки уложила,
Толпа мальчишек от души заголосила.

Я взмыла над поверженным врагом,
Он принял руку и с земли поднялся,
Склонили головы, и он покинул холм,
И так никто-никто не догадался...
И не заметил, что он мне поддался...

С собой не так-то просто примириться,
Что происходит, до конца не понимал,
Я сердцем не готов простить убийцы,
Но вот в душе его как волна увядал.

Сомнения прочь из мыслей изгоняю,
Теперь судьбу его вверяю власти звезд,
За руку с ведьмочкой по лагерю гуляю,
Теплом согретый пламени волос.

Сжимая нежно хрупкую подонь,
Считал себя счастливейшим на свете,
Я таял словно лед, попав в огонь,
И краски мира представляли в новом цвете.

Рыханье все же у меня перехватило,
Остановилось сердце на период краткий,
Потом усиленно в груди заколотило,
Когда предстала взору неожиданно картина,
Он робко тончется у венеротов полотки.

Но тут привчался мой знакомый паренек,
Принес нам хлеба на двоих краюху,
Вручил, а вот сбежать от нас не смог,
Поскольку когда жал мальчишке руку,

Моя принцесса разгадала шрам,
Доставшийся ему при нападенье,
Чего-то прощевав своим рукам,
Его растерла за одно мгновенье.

Наверно, привыкаю к чудесам,
Но что меня и браду поразило,
Похоже, можно доверяться небесам,
Держася в объятиях убийца малыша,
Он с ним играл и по щекам слеза катила.

Малыш смеялся, в пальц уцепившись,
А воин слезы искупления лил,
Когда же с «жертвами» своими распространившись,
Он поравнялся и сказал, остановившись,
«Теперь я знаю, почему ты победил».

Когда в палатке с ней вдвоем остались,
Я нежно обнял милую за плечи,
И из вопросов, что не унимались,
Спросил: — Под сердцем шрам мне почему не
лечишь?

Она ответила горячим поцелуем,
Лишь когда воздуха обоим не хватало,
Ответила, присевшись: — Чтоб целую,
Как счастье дорогое далось, не забывала.

Наверное, не быть мне королем,
Не управлять великим королевством,
Но всё же я уже нашёл свой трон
И занял его прямо в ее сердце.

Мне снится сон, как грозовые тучи
Берут в осаду горизонта небеса,
А я один стою на самой горной круче,
И только пыль швыряет ветер мне в глаза.

Что ж, никогда я не боялся бури,
И в этот раз промчится стороной,
Но тучи горизонт весь затянули,
Мир опоясав крепостной стеной

Меня с вершины зря прогнать пытаются,
Грозя обрушить стрелы молний с градом,
Не напугают, без толку стараются,
Я не боюсь, со мною ведьма рядом.

Нас непогодного двоих не испугать,
Друг друга держим крепко мы за руки,
И мой приятель не боится рядом встать,
Чтоб угостить куском своей краюхи.

Шторка наивны, попросту смешны,
С троими разом вздумали тянуться,
Он незаметно подошел из-за спины,
Тот, на ком больше не лежит вины,
Тот, кто нашел, за что ему сражаться.

Я обернулся, посмотрел через плечо,
Мне улыбнулся ангел мой хранитель,
Расправил крылья и взмахнул мечом,
Нам все настыри вместе нипочем,
Уж лучше сразу нам победу уступите.

Но сколько б молний сверху не метало,
И как надрывно ветер не ревёт,
Известно буре — схватку проиграла,
За нами солнце на борьбу встает.

Проснулся — она спит в моих объятьях...
Я понял — есть мне в жизни что терять...
Смотреть, как она спит — такое счастье,
Что хочется весь мир взамен отдать.

И лишь сейчас я понял с опозданьем,
Нет толку жить в плену чужих идей,
Приходит смысл только с осознанием,
Что счастье среди близких нам людей.

Я часто ошибался в жизни бренной,
Но точно знал, что сейчас я прав,
В моей истории, написанной бесцельно,
Сейчас начало самых лучших глав.

